

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ О СДАЧЕ КРЕПОСТЕЙ (КАПИТУЛЯЦИЙ), ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН XVIII–XIX вв.

© 2015 г. Виталий Витальевич Познахирев¹

Аннотация: в статье исследуются основные положения капитуляций, заключенных в ходе русско-турецких войн 1710–1713 гг., 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. Используя документы отечественных архивов и опубликованные источники, автор выделяет и анализирует условия названных соглашений, показывает их отличия от содержания капитуляций, заключаемых на Западе, раскрывает правовую природу, ключевые принципы и специфические черты рассматриваемых договоров, а также проводит периодизацию их эволюции в обозначенных хронологических рамках.

Annotation: in the article examines the main provisions of the capitulations signed during the Russian-Turkish wars of 1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 and the Crimean War of 1853–1856. Using documents from Russian archives and published sources, the author identifies and analyzes the conditions of these agreements, showing differences from the content of the capitulations concluded in the West, reveals the legal nature, the key principles and specific features of the treaty, and also conducts a periodization of their evolution in the framework of time designated.

Ключевые слова: Русско-турецкая война, военнопленные, имущество, капитуляция, комбатанты, крепость, мирные жители, оружие, соглашение, условия договора.

Key words: prisoners of war, property, capitulation, combatants, fortress, civilians, weapons, the Russian-Turkish war, the agreement, the terms of accord.

Историко-правовое значение капитуляции как формы прекращения военных действий трудно переоценить, ибо положения актов такого рода во многом способствовали ограничению взаимного насилия воюющих, формированию обычных норм, а в конечном итоге – и становлению права вооруженных конфликтов. При этом в центре внимания как российских, так и зарубежных специалистов традиционно оказываются капитуляции, заключенные в Новое время, преимущественно в Западной и Центральной Европе. Что же касается аналогичных соглашений, выработанных в ходе многочисленных войн России с Турцией в период XVIII – первой половины XIX в., то до сего дня они остаются практически неисследованными.

А между тем в условиях современного развития общественных отношений последние приобретают известную актуальность, ибо их содержательную сторону составляют права и обязанности, с одной стороны, имеющие универсальный, присущий большинству капитуляций характер, а с другой – отражающие многочисленные цивили-

зационные, этнокультурные, конфессиональные и другие особенности противоборствующих сторон. При этом важнейшими из таких особенностей мы считаем три следующие:

I. Ввиду относительно позднего создания в Турции регулярной армии (начало XIX в.) личное оружие длительное время находилось у османов на праве собственности, что затрудняло уже саму постановку вопроса о разоружении турок, а значит, и распространение на них режима военного плена;

II. В обороне турецких крепостей, как правило, участвовали практически все мужчины из числа местного населения, способные носить оружие. На практике их возраст колебался в пределах от 14 (а порой и от 12) до 60 и более лет. Данное обстоятельство не только увеличивало масштабы кровопролития при штурме, но и во многом размывало само понятие “гарнизон”, не позволяя провести четкую грань между комбатантами и мирными жителями;

III. С приходом русской армии мусульманское население капитулирующих крепостей в большинстве случаев предпочитало покидать места своего постоянного жительства, что в общем-то

¹ Доцент кафедры гуманитарных наук Смольного института Российской академии образования, кандидат исторических наук (E-mail: vvkr@list.ru; kaymakam1956@gmail.com).

приветствовалось и российской стороной, видевшей в этом средство обеспечения безопасности тыла.

Перечисленные обстоятельства служили предпосылками для заключения соглашений на условиях свободного выхода капитулировавшего гарнизона и населения за пределы укрепленного пункта вместе со своим движимым имуществом и последующего беспрепятственного перемещения этих лиц на территорию, контролируемую вооруженными силами Турции. При этом российской стороне передавалось лишь то, что принадлежало непосредственно османскому государству, в том числе артиллерийские орудия, корабли и суда, а также боевые и иные припасы (несколько реже — знамена).

Иными словами, в исследуемых хронологических рамках русско-турецкие капитуляции вырабатывались и заключались под знаком обращения Петра Великого к защитникам Азова от 29 июня 1696 г.: “Город Азов нам сдайте с ружьем и со всякими припасы без крови. А вам всем и с пожитками даем свободу, куда похочите”².

В связи с изложенным выше в рассматриваемых капитуляциях доминировали положения, регламентировавшие:

порядок и условия сохранения гарнизону и жителям личного имущества, в том числе и оружия;

срок, необходимый туркам “на снабдение себя нужным в дороге и на иные приготовления к оной”;

предоставление военным служащим и населению транспортных средств, а равно продовольствия и фуража до прибытия их к месту назначения;

меры обеспечения как личной безопасности османов, так и сохранности, а также частичной реализации ими своего имущества в период пребывания их под российской юрисдикцией;

маршрут, конечный пункт и порядок перемещения турецких подданных;

взаимные гарантии сторон, призванные обеспечить выполнение условий соглашения.

Рассматривая перечисленное детальнее, считаем необходимым подчеркнуть, что личная собственность турок (кроме оружия) в подавляющем большинстве капитуляций провозглашалась неприкосновенной. Причем это правило распространялось даже на торговые суда вне зависимости от их водоизмещения. Так, условия сдачи крепости

(кр.) Браилов (1828) предусматривали, что “купеческие суда, частным людям принадлежащие, будут употреблены по мере годности их к перевозу турецкого гарнизона в Силистрию и останутся собственностью их настоящих владельцев”³.

Редчайшее отступление от данного принципа представляют разве что соглашения о сдаче Килии (1790) и Мачина (1809). По условиям первого личное имущество было позволено сохранить и вывезти лишь коменданту крепости⁴. Второе предусматривало обязанность жителей передать российской стороне весь скот и запасы продовольствия⁵.

Что же касается именно личного оружия, то право собственности турок на него вплоть до начала XIX столетия также практически ничем не ограничивалось. В качестве некоторого исключения можно сослаться лишь на капитуляцию Азова (1736), по условиям которой “только больше того, как при каждом ружье, луке и пистолете и по сабле не было, а у кого собственного не имеется, из казенного давать не позволяется”⁶.

Однако уже в начале XIX столетия в соглашениях сторон все чаще стали появляться условия о сдаче гарнизоном оружия и распространении на него режима военного плена. Одним из первых примеров такого рода можно считать договор о сдаче кр. Мачин (1809). Но окончательно это положение утвердилось лишь в капитуляциях периода русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Причем кр. Гирсово стала последней, гарнизон которой капитулировал 11 июня 1828 г. на условиях свободного выхода с личным оружием, после чего данная практика более не возобновлялась. Разумеется, это не исключало оставления оружия отдельным лицам или категориям личного состава. Так, по условиям договора о сдаче Анапы (1828) было разрешено “38 человекам, чиновникам турецким, в числе которых состоит и паша, удержать у себя свои оружия”⁷. Капитуляция кр. Карс (1855) также предусматривала, что “офицерам всех чинов оставляются их шпаги” “в ознаменование мужественного сопротивления, выказанного гарнизоном”⁸.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 4592. Л. 18.

⁴ См.: Записка о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича. Им самим составленная // Русский вестник. 1841. № 3. С. 641.

⁵ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704². Л. 25–25.

⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 116.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

⁸ Цит. по: Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции // Кавказский сборник. Т. 1. 1876. С. 353.

² См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. F. IV. 38. Л. 93.

Нельзя не отметить, что, предоставляя капитулирующим право соединиться со своими вооруженными силами, российское командование стремилось исключить или хотя бы ограничить возможность их дальнейшего участия в боевых действиях. Так, соглашение о сдаче Азова (1736) содержало положение о том, что все “военные и невоенные люди от заключения сей капитуляции по присяге да не дерзят против Российской Империи чрез целый год вооружаться”⁹. Аналогичное условие было предусмотрено и капитуляцией кр. Перекоп (1736), заключенной Главнокомандующим Днепровской армией генерал-фельдмаршалом Б.К. Минихом. При этом последний даже попытался утвердить обязательство гарнизона подписью старшего из находившихся на тот момент в Крыму турецких военачальников – капитан-паши (главнокомандующего османским флотом). Правда, реакция турецкого адмирала на это предложение осталась невыясненной.

Позднее временные рамки указанного ограничения стали распространяться на весь период текущего вооруженного конфликта. К примеру, капитуляция Карса (1855) включала положение о том, что те категории защитников крепости, которые получали право вернуться на родину, “обязываются честным словом – не служить в войсках против Его Величества императора всея России в продолжение настоящей войны”¹⁰. Сходная норма содержалась и в капитуляции кр. Кюстенджи (1809). Причем здесь она даже подкреплялась санкцией, ибо гласила, что в случае “нарушения кем-либо сего обязательства каждый таковой, если пойман будет, беспрекословно подвергается быть сосланным в Сибирь на все остальное время жизни”¹¹.

Однако в целом подобные ограничения прав капитулирующих встречаются в рассматриваемых соглашениях достаточно редко. Очевидно, российское командование полностью отдавало себе отчет в том, что отсутствие у турок фамилий в сочетании с многочисленными искажениями их имен русскими писарями сводило вероятность идентификации этих людей к минимуму. Впрочем, даже опознание клятвоотступника вовсе не означало применения к нему санкции. Так, в 1810 г. при штурме кр. Базарджик был пленен двухбунчукный Измаил-паша, годом ранее лично подписавший упомянутую выше капитуляцию кр. Кюстенджи. Тем не менее в Сибирь он не отправился, поскольку Главнокомандующий рос-

сийской Молдавской армией вполне удовлетворился объяснениями паши о том, что “иначе он поступить не мог, т.к. турки, не зная этих военных законов (*курсив наш. – В.П.*), все равно убили бы его, если бы он отказался служить”, ввиду чего Измаил-паша “предпочел рискованное несчастье – неизбежному”¹².

Не получило распространения в русско-турецких капитуляциях и освобождение гарнизона без оружия. Один из немногих примеров такого рода дает капитуляция Карса (1855), согласно которой право вернуться на родину по сдаче оружия было дано личному составу иррегулярных войск, входивших в гарнизон крепости.

На подготовку к отъезду туркам отводилось в среднем от 8 до 12 суток. Максимальный срок (14 дней) имел место при сдаче Азова в 1736 г. (реально турки “уложились” в 8 суток). Минимальный (5 дней) – при капитуляции Измаила в 1809 г.

Поскольку одновременная эвакуация из города тысяч семей с их имуществом требовала такого количества транспортных средств и лошадей, которыми население просто не располагало, вопрос о содействии российской стороны в решении этой проблемы занимал в капитуляциях одно из центральных мест. К примеру, генерал А.Ф. Ланжерон позднее вспоминал, что в 1810 г. соглашение о сдаче кр. Силистрии вырабатывалось сторонами на протяжении 15 часов непрерывных переговоров, 10 из которых были посвящены дискуссиям о количестве предоставляемых туркам подвод¹³.

В некоторых случаях виды и число транспортных средств указывались непосредственно в тексте соглашения. Так, сдача кр. Перекоп в 1736 г. предусматривала, что российская сторона предоставит капитулирующим от 50 до 60 телег. Из соглашения о сдаче Силистрии (1810) следует, что туркам “для транспортов их дадутся 3500 подвод” (хотя изначально они просили 10 000). Однако в большинстве капитуляций количество транспортных средств не конкретизировалось, и османы вполне удовлетворялись условием о том, что “телег дано будет столько, сколько по необходимости нужно”, тем более что при невозможности одновременно собрать большое число подвод турки эвакуировались из крепости по частям. Кроме того, для их перевозки нередко использовались суда (как российские, так и турецкие). Например,

⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 117.

¹⁰ Цит. по: Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 355.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704². Л. 75.

¹² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / Пер. с фр. // Русская старина. Т. 136. 1908. № 11. С. 528.

¹³ См.: там же. С. 517.

по условиям капитуляции Азова (1736) османам было предоставлено 27 российских судов¹⁴.

Вместе с тем уже на рубеже XVIII–XIX вв. в рассматриваемых актах наметилась тенденция к ограничению этого права турок. Уже в соглашении о сдаче Журжи (1788) оговаривалось, что подводы предоставляются для переезда членов семей и под своз имущества только гарнизона. Жители же обеспечиваются ими лишь “для доставления жен и больных”. Капитуляция Измаила (1809) предусматривала, что подводы будут выделены лишь “бедным”, под которыми подразумевались лица, вообще не имевшие собственных транспортных средств.

В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. формулировки о транспорте приобрели еще более уклончивый характер. Так, населению Тульчи подводы выделялись “по возможности”, а Браилова – лишь те, “кои можно будет достать”. Окончательную точку в этом вопросе поставила капитуляция Карса (1855), из которой следовало, что каждый турок имеет право сохранить свое имущество, “но при этом должен сам озаботиться средствами перевозки”¹⁵.

Однако как бы то ни было, нельзя не обратить внимания на тот факт, что во всех случаях транспортные средства предоставлялись османам исключительно безвозмездно. Причем иной вариант решения данного вопроса в ходе выработки соглашений даже не обсуждался, хотя обеспечение турок подводами ложилось серьезным бременем как на армию, так и на местное население, особенно если реализация капитуляции совпадала по времени с полевыми работами.

Достаточно часто рассматриваемые соглашения предусматривали обязанность российской стороны обеспечивать в пути гарнизон и жителей продуктами и фуражом. К примеру, из капитуляции Хотина (1788) следует, что со дня выхода турок из города “первые восемь дней давать им хлеб для людей и овес для лошадей”¹⁶. Более детально данный вопрос был урегулирован в капитуляции Браилова (1828). Как видно из данного документа, выступая из крепости, османы брали с собой запас продовольствия на восемь суток с условием, что по прошествии этого срока они приобретали “право требовать пособий по сему предмету как на Дунае, так и на сухом пути по берегу сей реки”¹⁷. В отдельных случаях срок не конкрети-

зировался. Так, соглашение о сдаче Силистрии (1810) предусматривало, что “нужное количество провианта” будет выдаваться туркам вплоть “до прибытия в назначенные им места”. В то же время из капитуляции Измаила (1809) следует, что лишь “бедные, <...> не имеющие съестных припасов, будут таковыми снабжены во все продолжение их пути до назначенного места”¹⁸.

Обязанность российской стороны обеспечить безопасность турок и сохранность их имущества в период пребывания гарнизона и жителей в крепости в той или иной степени фигурирует практически во всех капитуляциях. Например, в договоре о сдаче Азова (1736) подчеркивалось, что до своего отъезда турецкие подданные “от обид имеют быть защищены и охранены неотменно <...> При вступлении некоторой части войск наших в город в те места, в которых турецкие подданные до выезда жить будут, ходить и никаких своевольтв и ссор с ними чинить накрепко воспрещено, а ежели кто в чем причиною объявится с нашей или их стороны, таких надлежащим комендирам штрафовать”¹⁹.

Особо оговаривались в капитуляциях порядок и условия реализации османами той части своего имущества, которое они не могли или не считали нужным вывезти с собой. Для этой цели вне крепости обычно организовывался охраняемый российскими войсками рынок, на котором предписывалось покупать у турок имущество “по вольным ценам, а безденежно и насильно брать при войске под жестоким штрафом воспрещено”. Отдельные капитуляции предусматривали даже меры “валютного регулирования”. К примеру, заключенным в 1788 г. соглашением о сдаче Хотина армейским маркитантам, реализующим османам “съестные припасы и иное им нужное”, предписывалось в оплату “принимать от них (турок. – В.П.) по имени иностранной и их монету, и тем курсом, как она у них ходит”²⁰.

Однако вряд ли туркам удавалось в сложившихся условиях реализовать свое имущество именно “по вольным”, т.е. рыночным, ценам, что, очевидно, осознавалось и российским командованием. В этой связи вызывает интерес обращение Г.А. Потемкина к коменданту кр. Бендеры от 3 ноября 1787 г., в котором, предлагая противнику капитулировать, светлейший прямо обещал османам:

¹⁴ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 113.

¹⁵ Цит. по: Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 353.

¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 266.

¹⁷ Там же. Д. 4592. Л. 16.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704². Л. 136.

¹⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 115.

²⁰ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 266.

“хлеб собственный, какой есть у жителей, я весь за сходную цену куплю в казну”²¹.

К сказанному необходимо добавить, что в отдельных капитуляциях предусмотрено право турок забрать свое имущество, находящееся не только непосредственно в крепости, но и в близлежащих селениях или просто “в горах” (капитуляция Анапы, 1828). Особо оговаривалось их право на выпас скота за пределами укрепленного пункта в период подготовки к отъезду, а также некоторые иные вопросы.

В капитуляциях детально прорабатывался маршрут, обычно определялся и конечный пункт (пункты) передвижения турок. Так, соглашение о сдаче Силистрии (1810) предусматривало, что “жители с войском выйдут из крепости: одна часть пойдет сухим путем в Разград и Шумлу, а другая часть – Дунаем в Русчук”²². При этом учитывалось даже возможное изменение погодных условий. Например, капитуляция Браилова (1809) гласила, что “гарнизон и обыватели выйдут из крепости и отправятся вверх по реке Борчу берегом и водою на судах своих до селения Калараш, откуда перейдут в земли, Оттоманской Порте принадлежащие за Дунаем. Ежели река Борч покроется льдом, то часть, водой отправившаяся, выгрузится из судов в ближайшие селения <...> для продолжения пути берегом”²³.

Безопасность гарнизона и жителей по выходу из крепости обеспечивалась российским конвоем, призванным не только препроводить османов либо до конкретного пункта, либо “за русские аванпосты” (“до турецких аванпостов”, “за аванпосты оттоманской армии” и т.п.), но и обеспечить их движение “при всяком благополучии”. К примеру, капитуляция кр. Хотин (1788) содержала положения о том, что конвой “не должен тревожить” турок или “вмешиваться между их семейств и обозов”. Сопровождающим также предписывалось “во все продолжение пути не требовать и не брать от них (турок. – *В.П.*) ничего, как из мужеска, так и женска пола. Равно и из имуществ их, кому бы они ни принадлежали”²⁴. Капитуляция Силистрии (1810) предусматривала, что “жители и войско выедут из города вместе, в пути отделяемы не будут. <...> В дороге не будут

беспокоены ни жены, ни дети, и с обеих сторон сохранится взаимное спокойствие”²⁵.

Помимо всего прочего конвой обязан был действовать переправам турок через реки и решению иных проблем, которые могли возникнуть у них в процессе передвижения. Так, капитуляция Браилова (1809) предусматривала, что “во время пути <...> гарнизону и обывателям для беспрепятственного следования со стороны российских войск оказано будет возможное вспомоществование”²⁶.

Исполнение условий капитуляции обеспечивалось взятием “аманатов” (заложников) из числа наиболее знатных турецких чиновников. Их количество обычно не превышало трех человек. Российской стороне они передавались сразу же по выходу гарнизона и населения из крепости “для уверения”, что османы в пути не уклонятся от маршрута и “удержатся от всяких неприятельских действий”. Содержались “аманаты” “со всем уважением, нации приличным”, и подлежали немедленному освобождению, “коль скоро российские проводники в надлежащей сохранности возвратятся”²⁷.

Значительно реже в капитуляции включалось условие о том, что турки дают заложников сразу же по подписании соглашения в обеспечение того, что в установленный договором срок они покинут крепость. Еще реже заложников давала российская сторона (например, в обеспечение того, что она воздержится от занятия города до выхода из него османов).

Рассмотренные выше ключевые условия капитуляций конкретизировались и детализировались в отдельных актах российских военачальников. Так, приказ Б.К. Миниха от 22 мая 1736 г., принятый в развитие договора о сдаче кр. Перекоп, предписывал командирам Рижского драгунского и Углицкого пехотного полков выделить гарнизону “от пятидесяти до шестидесяти лучших телег и сто двадцать лошадей подъемных добрых с хомутами и шорами, а при каждой телеге по одному погонщику”²⁸. В свою очередь, Главнокомандующий Донской армией генерал-фельдмаршал П.П. Ласси сразу же по подписании 20 июня 1736 г. капитуляции Азова потребовал от своего генерал-квартирмейстера “наикрепчайшей подтвердить: покуда те турецкие подданные здесь

²¹ Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1788–1789 / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1894. С. 363.

²² Цит. по: *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1887. С. 443.

²³ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704⁻². Л. 256–257.

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 265, 266.

²⁵ Цит. по: *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 443.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704⁻². Л. 257.

²⁷ Там же.

²⁸ Сборник военно-исторических материалов. Вып. XIV. Приказы графа Миниха за 1736–1738 гг. / Под ред. А. Баюва. СПб., 1904. С. 18.

пробудут, чтоб поступано с ними было как в городе, так и вне города со всякой лаской, а обид им чинимо не было под штрафом <...> из городу и в город в указные часы ходить всем не воспрещать и тем никакого утеснения не чинить”²⁹.

К перечисленному выше необходимо добавить, что практически все капитуляции провозглашали право христиан из числа мирного населения (вне зависимости от их подданства) добровольно остаться в крепости. И право это обычно реализовывалось. К примеру, по сдаче Азова в 1736 г. здесь остались 63 греческих и армянских купца (по другим данным – 79 армян и 42 грека)³⁰. Значительно реже это положение распространялось на евреев (капитуляция Килии, 1773 г.).

Для мирных жителей – мусульман такое право было впервые предусмотрено в капитуляции Браилова (1828). Однако его реализация была сопряжена с условием “не носить оружия или назначится общий склад, куда они (мусульмане. – *В.П.*) должны будут сносить оное. Турецкое начальство приложит к оному свои печати, а для охранения поставлен будет русский караул. Сие начальство будет состоять под особенным покровительством русского коменданта, который будет блюсти безопасность всех и собственность каждого”³¹. Сходные положения встречаются практически во всех капитуляциях русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. население перед выбором уже не ставилось. Как видно из капитуляции Карса (1855) “городские жители предоставляются великодушию русского правительства, которое окажет им покровительство”³².

Распространение режима военного плена не только на гарнизон, но и на всех мирных жителей или их часть (например, на мужчин в возрасте до 60 лет) имело место в отдельных капитуляциях периодов русско-турецких войн 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. (кр. Гирсово и Мачин в 1809 г., Силистрия в 1810 г., Анапа в 1828 г. и др.). На этот шаг российское командование побуждали разные причины: отмеченная выше сложность в выделении в среде турок комбатантов; стремление избежать хлопот по переводу мирных жителей на территорию, контролируемую противником, при невозможности оставления их в городе;

нежелание турчанок разлучаться с главами своих семейств; намерение умножить впечатления от своих победных реляций и т.п.

Однако установление статуса “военнопленных” для женщин и детей мы считаем в ситуации тех лет шагом вполне оправданным. Хотя бы уже по той причине, что с названным статусом эти лица приобретали определенные права, и в первую очередь право на продовольственное, финансовое и иные виды обеспечения от российской казны. Следует также иметь в виду, что мирные жители далеко не всегда интернировались в Россию. Так, по решению Николая I все женатые и имевшие детей защитники Анапы (вне зависимости от их принадлежности к гарнизону) были в 1828 г., т.е. еще в ходе войны, репатриированы вместе с семьями из портов Крыма на нейтральных судах.

Нелишне будет также заметить, что в некоторых капитуляциях отдельно оговаривались права турецких подданных из числа этнических русских, украинцев и представителей иных национальностей, проживавших в Российской Империи. К примеру, условия сдачи Браилова (1809) гласили, что “запорожские казаки, издавна принадлежащие к войскам Порты Оттоманской, также имеют свободный выход из крепости с своим имуществом”³³.

Вместе с тем в русско-турецких соглашениях не получили сколько-нибудь заметного отражения вопросы, типичные для “западных” капитуляций. В частности, речь идет о положениях, регламентирующих:

оказание воинских почестей капитулировавшему гарнизону и (или) его командованию;

меры, принимаемые в отношении находящихся в крепости раненых и больных, а также некомбатантов;

дальнейшую судьбу лиц, признанных военнопленными;

порядок взаиморасчетов между кредиторами и должниками и др.

Скажем, вопрос о почестях большинство договоров вообще обходит молчанием. В качестве исключения можно сослаться на капитуляцию Хотина (1788), которая предусматривала, что защитники крепости оставят ее “с их оружием, распущенными знаменами и со всеми их достоинства почестями”³⁴. Однако договор о сдаче той же крепости в 1806 г. содержал уже куда более скромное положение о том, что янычары покинут

²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1560. Л. 111.

³⁰ См.: там же. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 124; Ф. 846. Оп. 16. Д. 2378. Л. 703.

³¹ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4592. Л. 17.

³² Цит. по: Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С. 356.

³³ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704². Л. 255.

³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 265.

крепость “с сохранением приличным военным людям уважения”³⁵. Другим примером можно считать капитуляцию Карса (1855), включавшую пункт о том, что крепость будет оставлена гарнизоном “с распущенными знаменами и барабанным боем”³⁶.

Еще реже в договорах можно встретить упоминания о каких-либо почестях для сераскира и коменданта крепости. Так, по условиям капитуляции Хотина (1788) названные лица должны были выйти из города со своими свитами “и со всеми почестями, коими они от Порты почтены, т.е. с их оружием, распущенными знаменами, с музыкой, с бунчуками и с заводными лошадьми, достоинство их означающими”³⁷. С некоторой долей условности сюда же можно отнести договор о сдаче Браилова (1809), который предусматривал, что высшим чинам гарнизона “предоставляется оставить при себе и собственно принадлежащие им знаки достоинства от Порты Оттоманской дарованные”³⁸.

Отсутствие в капитуляциях положений о мерах, принимаемых в отношении находящихся в крепости раненых и больных, объясняется тем, что, покидая город, турки неизменно забирали с собой и тех, и других. В лучшем случае в соглашении оговаривалось, что раненые и больные имеют те же права, что и здоровые (капитуляция Азова, 1736 г.).

Первое упоминание об особенностях положения названных лиц обнаружено нами лишь в капитуляции Анапы (1828). Как следует из данного документа, “раненым и больным, которые будут не в состоянии отправиться в Керчь, позволяется остаться в крепости впредь до выздоровления”³⁹. При этом договор не содержал никаких положений о том, на кого возлагается ответственность за лечение нетранспортабельных турок, из каких средств будет осуществляться их медицинское обслуживание, продовольственное обеспечение и т.п. Более тщательно этот вопрос был урегулирован в капитуляции Браилова (1828), согласно которой “все приличные меры, предписываемые человеколюбием, будут приняты для сохранения раненых и больных, и в недостатках турецких врачей русский комендант будет иметь право (но не обязан. – В.П.) употреблять для дополнения недостающих врачей из своего собственного отряда”⁴⁰.

Однако в наиболее совершенном виде данная проблема была разрешена только в 1855 г. в капитуляции Карса, которая предусматривала, что, покидая крепость, “военные власти турецкой армии обязываются оставить достаточное число медиков и больничных служителей для ухода за больными, остающимися в госпиталях, до совершенного выздоровления их”⁴¹.

Впрочем, от больных и раненых турок российская сторона стремилась по возможности избавиться, в том числе и на стадии исполнения капитуляции. К примеру, первоначальные условия соглашения о сдаче Силистрии (1829) предусматривали, что “правительство российское дает возможное число подвод и лодок для больных и раненых военнопленных, отправленных в Россию”⁴². Тем не менее просьба турецкого командования о передаче ему названных лиц (в количестве около тысячи чел.), поступившая уже после заключения капитуляции, была удовлетворена российской стороной без каких-либо возражений или условий.

Что касается некомбатантов, то первое упоминание о них обнаружено нами лишь в капитуляции Карса 1855 г., согласно которой “писатели, переводчики и больничные служители имеют право возвратиться на родину”. Здесь же содержится и первое упоминание о том, что “здания и памятники в городе, принадлежащие правительству, будут сохранены в совершенной целости <...> Русское правительство будет по возможности избегать повреждения храмов и исторических памятников Карса”⁴³.

В отношении дальнейшей судьбы лиц, признанных военнопленными, капитуляции, как правило, не содержат никаких упоминаний. Лишь в редких случаях в них можно встретить фразу общего характера о том, что с пленниками “обходиться будут с тем же человеколюбием, которое вообще наблюдается во владениях Его Величества императора всероссийского”⁴⁴.

Еще реже в рассматриваемых соглашениях содержатся положения о взаиморасчетах между кредиторами и должниками. Это тем более странно, что кредиторами, как представляется, неизбежно должны были выступать христиане-предприниматели, которые, в отличие от мусульман, оставались в городе и вообще пользовались

³⁵ Цит. по: *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 393.

³⁶ Цит. по: *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 353.

³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 265.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704⁻². Л. 255.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 174.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4592. Л. 17.

⁴¹ Цит. по: *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 353.

⁴² Цит. по: *Ладыженский.* Осада Силистрии в 1829 году (Письма к другу). СПб., 1829. С. 77.

⁴³ Цит. по: *Дондуков-Корсаков А.М.* Указ. соч. С. 355.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 704⁻². Л. 25–26.

особым российским покровительством. Однако единственное упоминание о взаиморасчетах выявлено нами лишь в капитуляции Азова (1736). Причем это положение касалось лишь христиан, не являвшихся подданными воюющих сторон, и предусматривало, что, “ежели на них или их на турецких подданных имеются долги, чтобы неотменно между собой до выезда из Азова разделку учинили”⁴⁵.

Считаем необходимым добавить к сказанному, что ни одна из изученных нами русско-турецких капитуляций не содержит типичного для Запада положения о том, что любая статья, вызывающая сомнение, должна быть истолкована в пользу гарнизона.

Хотя часть русско-турецких капитуляций была заключена в устной форме (например, Браилов в 1711 г.; Перекоп в 1736 г.; Ахалцих в 1828 г. и др.), основной формой рассматриваемых соглашений являлась, конечно же, письменная. Правда, на практике к ней подходили по-разному. Лишь немногие договоры оформлялись в виде единого акта на французском языке. Гораздо чаще составлялись два текста (на русском и на турецком). Впрочем, иной раз стороны обходились и отдельными актами. Так, условия капитуляции кр. Гирсово (1828) были сформулированы российской стороной, а комендант крепости лишь письменно выразил свое согласие с ними. При выработке соглашения о сдаче Хотина (1806) все обстояло наоборот: основные условия сформулировали турки, а российский командующий лишь внес в текст некоторые уточнения.

Случаев сколько-нибудь существенного нарушения османами условий капитуляций в рассмотренных хронологических рамках нами не выявлено. Основные претензии российской стороны к туркам состояли в невыполнении ими установленных договором сроков. Реже – в требованиях о дополнительном выделении им средств транспорта, продуктов и фуража. В связи с последним определенный интерес вызывает капитуляция Хотина (1788), содержащая положение о том, что “потребное им (туркам. – *В.П.*) число подвод единойжды определится и потому им даваемо будет <...> хлеб и овес отпущаться им будет по отобрании от них единойжды сведений о числе душ и лошадей”⁴⁶.

Не отмечено нарушений со стороны турок и в тех случаях, когда в роли капитулирующих выступали российские войска. В качестве примера

можно сослаться на сдачу туркам кр. Журжа в мае 1771 г. Как следует из реляции генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева от 6 июня того же года, гарнизон капитулировал, “выговорив себе, чтоб при всей верхней и нижней амуниции со всеми военными частями из города выступить и беспрепятственный иметь путь до Букарешта <...> 1-го числа сего месяца (июня. – *В.П.*) неприятель прислал к князю Репнину весь бывший гарнизон в Журже в препровождении турецкого конвоя. Под раненых и под разные гарнизонные экипажи неприятель дал свои подводы, которые ему и возвращены”⁴⁷.

Что же касается нарушений со стороны российского командования, то единственный случай такого рода относится к 1736 г., когда гарнизон кр. Перекоп вопреки условиям капитуляции, предполагающим его передачу турецкой стороне, был признан военнопленным. Данный факт мы детально исследовали в одной из своих предыдущих публикаций⁴⁸. Поэтому здесь лишь заметим, что невыполнение условий договора во многом детерминировалось личностными качествами Б.К. Миниха. Не вполне однозначным выглядит и распространение режима военного плена на остатки турецкого корпуса, окруженного при Слободзее в ноябре 1811 г., чему посвящена другая наша статья⁴⁹. Однако в любом случае здесь необходимо исходить из того, что при Слободзее сторонами была заключена не капитуляция (о которой даже не шло речи), а конвенция, т.е. международный договор, который Александр I (по некоторым причинам) отказался ратифицировать.

Обобщая изложенное, считаем возможным утверждать, что по своей правовой природе русско-турецкие капитуляции XVIII – первой половины XIX вв. представляли собой двусторонние локальные военные соглашения, по которым каждая из воюющих сторон обязывалась совершить в пользу другой определенные действия и воздерживаться от нежелательных для нее действий.

В эволюции рассматриваемых соглашений можно выделить два основных этапа.

⁴⁷ П.А. Румянцев. [Документы]. Т. 2. 1768–1775 / Под ред. П.К. Фортунатова. М., 1953. С. 453.

⁴⁸ См.: *Познахирев В.В.* Невыполнение условий капитуляции крепости Перекоп в 1736 г. (Историко-правовой аспект) // Гуманитарные научные исследования. 2012. Август // <http://human.snauka.ru/2012/08/1598> (Дата обращения: 25.09.2012 г.).

⁴⁹ См.: *Познахирев В.В.* “Капитуляция” турецкого корпуса при Слободзее в ноябре 1811 г. (Историко-правовой аспект) // Гуманитарные научные исследования. 2012. Сентябрь // <http://human.snauka.ru/2012/09/1627> (Дата обращения: 25.09.2012 г.).

⁴⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 64. Ч. 1. Л. 117.

⁴⁶ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 265, 266.

Первый охватывает весь XVIII в. и начало XIX в. В указанных хронологических рамках капитуляции носят во многом оригинальный, самобытный характер, что выражается в первую очередь в фактическом отсутствии института военного плена, а также во включении в объем понятия “капитулирующие” всего населения крепости. Наиболее полно отражая разные грани османской культуры, эти капитуляции являют собой образцы компромисса, достигнутого путем преодоления цивилизационных, этноконфессиональных и иных барьеров между Востоком и Западом.

Второй этап простирается от начала XIX столетия до его середины. Здесь капитуляции постепенно утрачивают свою специфику и все более сближаются по содержанию и характеру с соглашениями, принятыми в международной практике.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на каждом из названных этапов русско-турецкие капитуляции вырабатывались и заключались на основе следующих общих принципов: гуманизма; равенства сторон; свободы договора; неприкосновенности личной собственности; учета потребностей мирного населения; готовности к компромиссу; невмешательства в деятельность другой стороны; исполнения взятых на себя обязательств.

К числу наиболее характерных особенностей рассмотренных соглашений, в той или иной

степени проявлявших себя на всем протяжении XVIII – первой половины XIX вв., считаем необходимым отнести следующие:

1. Источниками русско-турецких капитуляций являлись как традиционные нормы обычного международного права, так и правила поведения, выработанные субъектами соглашений в ходе многочисленных вооруженных конфликтов между ними.

2. Исследуемые договоры регулировали последствия капитуляции не только и даже не столько для комбатантов, сколько для мирного населения.

3. В содержании русско-турецких капитуляций социально-экономическая составляющая имела явный приоритет над военно-политической. Относительно легко расставаясь с тяжелым вооружением и иным имуществом, принадлежавшим Османской империи, турецкая сторона стремилась к тщательной проработке положений, регламентирующих судьбу имущества, находящегося в личной собственности гарнизона и населения. Даже вопрос о сохранении комбатантам оружия детерминировался не столько понятиями о воинской чести, сколько принципом неприкосновенности собственности.

4. Условия рассмотренных договоров свидетельствуют о стремлении российской стороны к максимальному учету специфики капитулирующих.